

·the big book·

КНИГИ ДЖОНА КРАУЛИ,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ
«АЗБУКА-АТТИКУС»

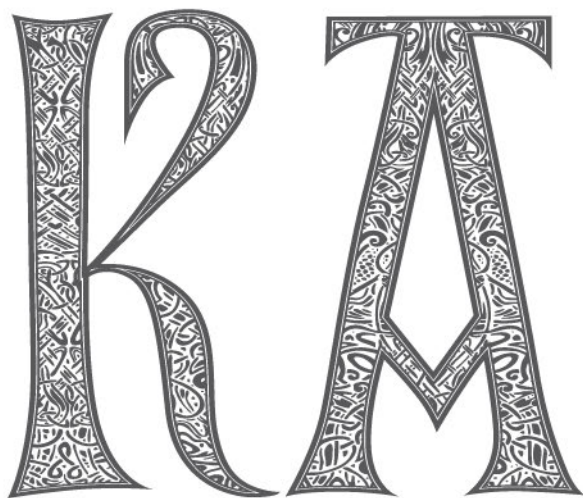
•

Маленький, большой

•

Ка: Дарр Дубраули в руинах Имра

ДЖОН КРАУЛИ

ДАРО ДУБРАУЛИ В РУИНАХ ИМПРА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 78

John Crowley
KA: DAR OAKLEY IN THE RUIN OF YMR
Text copyright © 2017 by John Crowley
Interior illustrations copyright © 2017 by Melody Newcomb
All rights reserved

Перевод с английского Ефрема Лихтенштейна

Оформление обложки Сергея Шикина

Иллюстрация на обложке Ольги Закис

- © Е. В. Лихтенштейн, перевод, 2019
- © М. И. Назаренко, примечания, 2019
- © Е. В. Лихтенштейн, М. И. Назаренко,
послесловие, 2019
- © Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-17326-2

*Посвящается Г. Б.,
с благодарностью за очень многое*

Вороны утверждают, что одна-единственная ворона способна уничтожить небо. Это не подлежит сомнению, но не может служить доводом против неба, ибо небо-то как раз и означает невозможность ворон.

Франц Кафка

KA

Пролог

У конца мира выросла гора. Не высокая, но длинная и широкая — и она велика, потому что возвышается посреди равнины, где никаких других гор нет. Вокруг раскинулись рыхлые поля и прямые дороги — даже камней почти не встретишь, да и гора не из камня.

Она продолжает расти и будет расти еще долго, прежде чем начнет проседать. Перед рассветом желтая «Гусеница» с отвалом на носу ползет по ее склону. Тот дрожит под ее весом, поскольку плоть горы еще мягкая и рассыпчатая. В первых утренних лучах череда толстых самосвалов подъезжает к горе по проложенным для них извилистым тропам, и в указанных местах они опорожняются, вываливают дымящиеся груды. «Гусеница» ровняет эти кучи, а затем начинает закапывать.

Кое-где они горят.

По обе стороны горы видны горки поменьше, старые и забытые, — пологие, поросшие травой, будто толстяк объелся, прилег переварить угощение и уснул на долгие годы. Только вершины самых свежих еще открыты глазу: там лежит непроглоченное.

Вдоль дорог, что бегут прочь от горы к большому городу, сгрудились домики и лачуги. На рассвете из них выходят Люди и взбираются по меньшим горам к великой, чье утро еще открыто, словно рана. По большей части, это женщины, дети и старики; они несут с собой мешки, ведра

и другие емкости, куда сложат то, что найдут в новых грудах, и то, что другие не отыскивали в старых и просевших. Дым застит утреннее солнце.

Люди еще карабкаются по тропам, когда первые Воробны вылетают со своих зимних ночевок в густых ветвях деревьев, что растут вдоль берега и на островах посреди городской реки. Длинной цепью они пролетают над Людми — сотни, затем тысячи. Думаю, если бы Люди хотели описать Ворон, то сказали бы, что те похожи на черный шарф, раскинувшийся по небу от горизонта до зенита. Но сами Вороны себя так не воспринимают: ни как вуаль, ни как плащ, ни как черную медвежью шкуру; они себя видят не целым, но *множеством*: каждая отдельно, одна-единственная среди прочих, на положенной дистанции, чтобы не коснуться другой, и каждая видит, куда летят остальные.

Они видят, как внизу медленно идут Люди, видят самосвалы с выпученными фарами. Вороны знают, где они.

А Люди о них, скорее всего, и не думают. В иные дни и в иных землях они бы начали креститься, оказавшись под грохочущей крыльями тучей; прошептали бы молитву, заговор или стих из Евангелия; приглядывались бы к волнообразному движению стаи, чтобы узнать будущее или погоду. Но те времена давно миновали. Мусорщики не обращают на птиц внимания, презирают их: «черные попрошайки», «крылатые крысы» — так они говорят. Дети бросают в них все, что подвернется под руку, прогоняют с груд, пока старшие не приставят их снова к делу. Иногда Вороны гонятся за ребенком, решив, будто у него есть что-то им нужное, или просто для развлечения — от прежней опасности не осталось и следа. Обычно у детей нет того, что ищут Вороны. Потребного мусорщикам здесь мало, а вот еды для Ворон полно. Самосвалы вываливают ее тоннами, вперемешку с вещами несъедобными, конечно, но все равно богатство такое, что Воронам нет смысла за него драться.

Я часто наблюдал за ними. По вечерам или на рассвете после бессонной ночи я стоял у окна высотного корпуса

городской больницы, на одном из верхних этажей, где мою жену лечили, но не могли вылечить. Я смотрел на гору и видел, как бесчисленные Вороны взлетают с речного острова, а потом возвращаются на голые ветки деревьев, хотя в то время и не понимал, что они делают. Может быть, я видел среди них и Дарра Дубраули.

Возникли новые болезни: у меня одна из таких и еще несколько мелких, порожденных ею. Дебра умерла не от того, что заставило ее поехать в далекую клинику, но от болезни, которая бушевала в этой местности, когда она лежала в больнице; умерла, а я сидел рядом, с ног до головы затянутый в специальный костюм с маской и перчатками, так что даже в самом конце не мог прикоснуться к ней. Я и сам был болен, смертельно болен, и не только телом, и я увез ее из города на старое кладбище в округе, где стоит наш старый дом, вот этот дом на севере, мой дом. До которого только и сумел добраться Дарр Дубраули, когда заболел сам и отправился в путь прочь от длинной горы у конца Имра.

Сейчас, весной, свет здесь до странности ясный; я и не упомяну такого прежде в этой части мира: будто сухой горный воздух перебрался сюда или проходит через наши края. Небо утром темно-синее, почти нереальное и, вопреки невероятной красоте, — жутковатое, неестественное, подозрительное. Полагаю, это связано с нынешним разрушением земли — точнее, с ее необратимыми изменениями, — хотя доказать, конечно, не могу.

Впрочем, других доказательств полно. На деревьях уже зеленая листва, буйно и разом цветут растения, которые прежде вежливо соблюдали очередность. И столько птиц уже не увидишь и не услышишь. Рассветный гомон не смолк, но стал глуше. С другой стороны, здесь появились птицы, которых раньше не было: уверен, что в детстве не видел тут ни Пересмешника, ни Иволги.

Зато много Воронов, каркают, кричат и собираются вместе утром и вечером.

Я знаю, что постоянство невозможно, что изменение и есть весь закон; но когда понимаешь, что не только человеческий мир, но земля, погода, сама жизнь стали другими к концу единственной человеческой жизни... чувствуешь, будто весь мир умирает вместе с тобой. Или нет? Как можно называть все вокруг разрушением, если не верить, что когда-то все было как должно и ты сам был жив и это видел? И откуда мне знать, что так оно и есть?

Что ж. Первая мысль (может, даже и не мысль толком), когда я увидел больную Ворону у себя во дворе примерно год, нет, уже года два назад, была о том, что нужно пришить ее лопатой — ради ее же блага и чтобы зараза не добралась до меня и остальных.

Я осторожно подобрался к ней — клювы у них острые — и услышал с разных сторон крики других Ворон, так близко, что, казалось, должен был их увидеть, но не видел. Больная птица не пыталась улететь, даже не смотрела на меня. Точнее, так я тогда подумал. Мне потребовалось много времени, чтобы понять: Вороны, когда ухаживают друг за другом или идут вместе по полю, никогда не поворачивают голову, но вовсе не потому, что не знают о соседе или не замечают его. Нет. Глаза у Ворон расставлены очень широко — настолько, что вблизи вещи легче рассматривать одним глазом. Когда Вороны располагаются бок о бок, они по-своему сидят лицом к лицу.

Как бы то ни было, что-то заставило меня остановиться и присмотреться. Может быть, я почувствовал, что это меня разглядывают. Никогда раньше я не видел так близко живую Ворону. Я присел на корточки; вороний грай стал громче, Пес залаял, оскалился, натянул веревку, которой был привязан к дому, — а потом вдруг все замерло и затихло, словно здесь вовсе нет Ворон. Я забыл, что боюсь заразы, и наклонился, чтобы заглянуть в глаза птице — мутные, как мне тогда показалось, потому что я еще не знал о птичьих мигательных перепонках, или внутренних веках. У нее

на щеке, если это подходящее слово, красовалась полоска белых перьев, как седая прядь в темных волосах. С клюва слетело странное ворчание, непохожее на все вороньи крики, какие мне доводилось слышать. И я подумал, что спустя год жизни без смысла (да нет, больше года) земля по какой-то неожиданной милости дала мне знак.

Я почувствовал, что Ворона не позволит к себе прикоснуться, поэтому просто положил перед ней на землю лопату; поразмыслив, птица шагнула на нее, словно аристократ в поданный экипаж, и я осторожно поднял ее. Смысла я тогда еще не уловил, но ощутил, что ответил правильно.

Теперь я, разумеется, понимаю, что Ворона не была мне зна́ком и даром земли оказалась лишь в самом общем смысле. Позднее Дарр Дубраули («ибо это был он», как говорится в старинных романах) объяснил мне, что оказался на моем дворе по собственному выбору. Вороны, которых я слышал, кричали не на врага-человека (и его Пса), чтобы поддержать беспомощного сородича: они нападали на Дарра Дубраули, гнали прочь больного чужака. И мой двор стал для него убежищем: другие Вороны избегают Людей, но он их знал; и он знал, что Пес на привязи не опасен.

Но ясно было, что он болен, при смерти.

Я внес его в дом и опустил лопатой в ванну. Не помню уже, почему решил, что это разумное решение, — может, чтобы там скапливался помет. Почему мы так поступаем? Почему нам кажется правильным спасти одно больное или потерявшееся животное, когда в мире их так много, да и этому, скорее всего, мы ничем не сможем помочь? Словно дети, которые посреди природного изобилия торжественно хоронят одного-единственного мертвого бурундука или птенца. Я накормил его кусочками курятины и хлебом, точнее, просто оставил их так, чтобы он мог их клевать. Он мало шевелился, но, стоило мне войти в ванную комнату, он будто пытался заговорить — даже тогда мне казалось, что он хочет со мной говорить, а не просто кричит или кар-

кает. Стемнело, я потушил свет. Он не шевелился — я бы услышал, моя постель стоит не так далеко, дом маленький. Я подумал, что к утру найду его мертвым.

Я забыл оставить ему воду. Проснулся на рассвете с этой мыслью и встал, чтобы принести неглубокую миску. Он ведь болен и наверняка хочет пить. И он пил, склоняя голову набок, чтобы окунуть клюв в миску, а затем поднимая голову, чтобы проглотить воду. Я сидел на крышке унитаза и смотрел. Я понимал, что произошло нечто необычайное — или вот-вот произойдет. Знак или не знак, но я ждал.

А о чем думал он — Дарр Дубраули?

Сейчас он говорит, что почти не помнит худшие дни своей болезни, и моей историей — двор, Вороны, лопата, ванна — придется довольствоваться нам обоим. Единственное, что знал он, но не я: он бы не умер. Чтобы погубить его, потребуется что-то посильней лихорадки Западного Нила, если это вообще была она.

Дебре Вороны никогда не нравились — одно лишь известное мне исключение из ее любви ко всем созданиям природы. Наверное, у нее вызывала отторжение их алчность или то, что они поедают яйца меньших птиц; они ей казались преступниками. Будь она жива, наверняка бы не позволила принести Ворону в дом, особенно больную и заразную. Мне казалось странным, что он не выказывал ни страха, ни опаски, оказавшись в моем доме, рядом со мной, но то, что он вообще попал сюда, странным не казалось. Я попытался объяснить это Дебре, как мы объясняем такие вещи мертвым, будто их по-прежнему нужно уговаривать или убеждать, будто от них еще что-то зависит.

Через несколько дней он уже смог запрыгнуть на край ванны, цепляясь за керамический бортик на вид неуклюжими, но на самом деле очень гибкими и ловкими лапами. Когда он начал совершать прогулки по дому, оставляя длинные белые полосы на полу и мебели, я открыл окна и попрощался с ним. Он вспорхнул на подоконник, но дол-

го не вылетал наружу, поворачивая голову то в одну сторону, то в другую. Такое поведение меня заинтриговало, так что я обратился к потертому тому старой энциклопедии и узнал, что Вороны, подобно большинству птиц, не умеют вращать глазами в глазницах, как мы; чтобы посмотреть в другом направлении, им приходится менять позу. Когда Ворона вот так быстро и резко вертит головой, она, по-нашему, оглядывается по сторонам.

Разумеется — такое ведь часто происходит, верно? — когда стало ясно, что он выздоровел и может улететь, я уже не хотел, чтобы он улетал. И я подозревал, что он не улетает только потому, что я продолжаю приносить ему еду. Но с самого начала я говорил с ним: бросал случайные фразы вроде «Как дела сегодня? Тебе лучше? Похоже, скоро будет дождь» и так далее. Я так же разговариваю с Псом и с лунной; так делают многие одинокие старики. Я никак не мог знать, что он меня понимает; ведь и Пес вроде бы понимает всё, но я-то знаю, как мало, на самом деле.

Но нет. Он хотел остаться, чтобы поговорить. И когда я убедился наверняка, что он меня понимает, — легко было устроить несколько проверок — мне захотелось понимать его.

Я был бы рад подробно рассказать, как выучил язык Дарра Дубраули. Это он, а не я знал, что такое вообще возможно, что мы можем поговорить, можем понять наречия друг друга, потому что он уже говорил с другими — в иных, далеких краях. Но, начав делать заметки, я записывал только то, что он мне говорил, а не то, как я научился слышать его слова.

То, что я записал поначалу, а потом продолжил записывать, — не транскрипция. Воронья речь, вороньи шутки, вороньи истории обладают краткостью коанов или конфуцианских суждений; их богатство — в произношении, как если бы жестовый язык был выражен звуками. Перевод с одного человеческого языка на другой не идет ни в какое

сравнение. Давным-давно Дарру Дубраули пришлось найти дорогу в Имр — так он называет человеческий мир, — и это была дорога со множеством ошибочных поворотов и тупиков; мне пришлось найти дорогу в Ка, мир Ворон, чтобы принести оттуда его историю, не зная точно, правильно ли я понимаю то, что принес.

Но посмотрите, вот же — на каждом человеческом языке мы говорим о «дорогах» и «путях», о том, как влачим по ним что-то. Мы приближаемся к «развилке», к «перекрестку», по ошибке «поворачиваем не туда». Вороны так не говорят. Но иначе я бы, наверное, не смог рассказать историю, составить жизнеописание. Мы — создания дороги, всегда гадаем, что за следующим поворотом. Вороны живут в широком, непроторенном трехмерном пространстве. Если на этих страницах я заменил вороний язык человеческим — совершенно иным по смыслам и воздействию, — то лишь потому, что у меня не было другого выхода.

Я точно помню, как мы учились — с трудом, каждый день, я у него, и он у меня, — что ж, может быть, в те дни, когда весна стала летом, а лето осенью, я и заслужил его дружбу? Конечно, может статься, что я просто сошел с ума. Может, эта Ворона меня знать не знает, ничего мне не рассказывала, а всю историю я поведал себе сам. Как бы то ни было, перед тобой, воображаемый Читатель, вся история, какая только может быть: повесть, которую, по моему убеждению, он мне рассказал, а я — услышал. Рассказ о том, как он покинул город и Городских Ворон и как добрался до моего дома, оказался первым, который он смог до меня донести, а я сумел записать. А потом — другие, и за ними — остальные: как все началось, как все закончится. И эта повесть начинается здесь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДАРР ДУБРАУЛИ
В ЯВЛЕНИИ ИМРА

Глава первая

Прежде чем на приречной равнине возвели гору у конца мира, прежде чем там вырос высокий город, прежде чем большинство Вóронов перебрались в глухие леса на севере, прежде чем Люди начали истреблять Ворон, прежде чем Дарр Дубраули отправился за море, на запад, прежде чем была найдена и вновь утрачена Самая Драгоценная Вещь, прежде чем открылись пути в страну мертвых, прежде чем в Ка пришли имена, прежде явления Имра, а значит, прежде чем Ка познало самое себя, — Дарр Дубраули впервые увидел Людей.

Тогда у него еще не было этого имени, да и никакого другого тоже. Тысячи лет прошли, прежде чем все Вороны получили имена, как получают сейчас; тогда же, да, тогда в них не было нужды, ближних они звали Отец, Брат, Старшая Сестра, Другая Старшая Сестра; тех, кого не признавали за родню или с кем позабыли родство, именовали Другие, Ну Те или Эти Самые и так далее. И поскольку о других Воронах не находилось особой нужды говорить, когда их не было рядом, да и сказать-то о них было особенно нечего, хватало и таких имен.

Но без имен невозможно запомнить истории, да и рассказывать сложно. Так что в этом повествовании я буду звать Дарра Дубраули Дарром Дубраули с самого начала.

Ворон тогда было не много. Точнее, по всему миру их было множество, но в одном месте никогда не бывало много

сразу. В те времена, когда Дарр Дубраули вылупился и оперился, вместе жило не больше птиц, чем Ворона может различить по виду и голосу, если не считать зимних ночевков, куда Вороны собирались издалека. Вторгшись в их общество незнакомая Ворона, чужачку прогнали бы или, по крайней мере, долго не подпускали бы близко. Проходили годы, но пара чужаков оставалась чужой, а когда их все-таки принимали, никто не забывал, что они Не Из Наших.

Такими чужаками были и родители Дарра Дубраули. Откуда они прилетели, где лежали владения их родной стаи, почему они их покинули и поселились в новом месте, — всего этого Дарр Дубраули не знал, потому что они сами забыли об этом сразу, как только смогли: ведь его родители хотели одного — стать своими среди здешних Ворон. Со временем они стали так же презрительно смотреть на чужаков, как и остальные. Но все равно с самого рождения на старших братьев и сестер Дарра Дубраули смотрели с подозрением — всем казалось, будто в них можно усмотреть что-то инаковое, отличное, Ненаше: и один за другим они покидали стаю, чтобы отправиться на поиски братьев и сестер, что улетели до них, или стать чужаками в другом, неведомом месте — если вообще было для них какое-то Другое Место.

В общем, эти Вороны были не слишком похожи на тех, что живут в полях и лесах вокруг моего дома.

Но владения между широкой мелкой рекой и лесом отлично подходили для стаи, какой она тогда была. Почти каждый год по весне река разливалась и затопляла пологие берега, сдерживая высокотравье и рост молодых деревьев. В реке водились моллюски и рыба; когда Лососи шли на нерест, их ловило семейство Медведей, и потом оставались богатые объедки, — а еще можно было найти личинок, и Полевок, и ловких красных Тритонов, и тысячу других обитателей земли. Вороны совершали регулярные налеты на противоположный берег реки и к подножию ка-

менистой горы, густо заросшей лесом, но никогда не забиралась слишком далеко; они не углублялись и в сосновую чащу, что начиналась за прибрежными лугами, хоть и считали ее своей землей, сколько хватало глаз. Леса дарили Воронам трупы мелких зверьков, улиток и слизняков, а также яйца и птенцов других птиц, когда приходило для них время, а еще — большие туши, которые можно было расклевать вместе с Воронами, когда Волки покончат с добычей. Пропитания хватало на всех, но не более того. Зимой приходилось туго, и Вороны улетали в поисках еды дальше, добирались даже до большого озера, что лежало за вересковой пустошью на помрак от их владений, но в другие сезоны они держались поближе к родным местам, которые считали своими по праву. Где-то далеко отсюда жили другие Вороны, с которыми местные не имели дел и которые сами редко покидали свои владения.

Так было всегда, со времен слишком далеких и бесцветных, чтобы их помнить или говорить о них. Говорили Вороны по большей части о погоде.

А потом пришли Люди.

Много лет спустя, несмотря на все изобилие, которое они обрели, несмотря на то, как они расплодились и преуспели, старые Вороны этой стаи иногда говорили: «Лучше бы они оставались за горой и никогда не переходили реку. Лучше бы они вовсе не приходили».

Они могли так говорить, потому что уже выучились этому трюку — думать, что мир может быть не таким, каков он есть, а значит, начали жалеть, что он не таков.

И этот трюк придумал Дарр Дубраули. Так он говорит.

Надел семьи Дарра располагался вдалеке от прочих: родители закрепились там в ранние годы, когда еще были чужаками. Надел оказался не очень богатый. Тут кормились Мать, Отец, Служитель матери (меланхоличный самец, который любил ее с тех пор, как сам был птенцом), сам Дарр

и две его сестры — трое птенцов, выживших той весной. Их перо еще не обрело блестящего черного отлива, как у взрослых, и за ними все еще нужно было приглядывать, хотя им самим, конечно, так не казалось. А еще там жил молодой бродяга — осторожно держался в стороне и пока ни с кем не заговаривал; его терпели, быть может, в память о прошлых годах. Осенью Дарр Дубраули вошел в пору, когда его начали выставлять дозорным — не одного, конечно: ему следовало лишь исполнять приказы Матери, Отца или сидевшего на верхушке дерева Служителя. Весь день они все перемещались по своему наделу, ходили по привычным кочкам и ручейкам в поисках чего-нибудь интересного и, если повезет, съедобного. На каждом переходе выставляли дозор — двух или трех Ворон, которые прислушивались к дальним крикам других семей и следили за небом, деревьями и землей, чтобы вовремя увидеть Ястребов, Лис и прочих незваных гостей. Только после обмена привычными кличками: «*Все в порядке?*» — «*Тут все в порядке вроде!*» — они спускались на землю и принимались за еду.

Дарр Дубраули любил усаживаться на открытые всем ветрам ветки на самой верхушке самого высокого дерева в округе, откуда он мог высмотреть угрозу за много миль, если бы та, конечно, пришла издалека, чего за его короткую жизнь еще никогда не случалось; обычные угрозы, о которых следовало кричать, всегда оказывались поблизости — будь то Ласка, Лиса или Ястреб. Довольно часто он никого и не высматривал, просто смотрел; иногда он даже забывал поесть в свой черед, разглядывая далекие земли за пределами владений стаи, гадая, что он там видит, но не может понять. Как далеко способна улететь Ворона?

Он повадился пропадать сонными вечерами, когда остальные неподвижно лежали на солнце или дремали в Соснах: когда Мать его звала, Дарр оказывался уже слишком далеко, чтобы услышать. Он очень любил семью и следовал за Матерью и Отцом, как и весной, но всегда был не

против оказаться в одиночестве. Когда он улетал далеко, ему нравилось думать, что сюда-то никогда не добирались другие Вороны его стаи.

На самом деле он не пропадал, конечно: невозможно заблудиться и пропасть, когда у тебя в голове — за клювом, между глазами, как у всех Ворон, — горит упрямая точка, которая, словно стрелка компаса, указывает на север. Точнее, «на по́клюв», как говорят Вороны, и, соответственно, на по́день, восток, и на по́мрак, запад. (У Ворон — по крайней мере, сейчас, — как ни странно, нет слова, которое значило бы «юг». Возможно, компас у них в головах указывает одновременно на север и на юг. Я так и не смог это выяснить.)

— Ты не поверишь, — сказал однажды Бродяге Дарр Дубраули, — как далеко я сегодня был.

Бродяга ковырялся в грязи на берегу пруда, искал личинки, а может, лягушину икру или еще что съедобное и ничего не сказал в ответ.

— Я был там, где вовсе нет Ворон! — заявил Дарр Дубраули. — Никого, только я один.

— Нет такого места, — отрезал Бродяга.

— Да ну? — встрепенулся Дарр. — А ты полети дальше моего!

Бродяга прекратил охоту.

— Послушай, птенец, — сказал он тихим, но неласковым голосом. — Давным-давно я покинул места, где вырос. Меня выгнали. Не важно почему. И с тех самых пор я всегда на крыле.

Дарр Дубраули тоже перестал искать еду. Столько слов за раз Бродяга не произносил за все дни, что провел рядом с его семьей.

— На крыле, — повторил тот, будто с презрением. — И нигде не встречал таких мест, чтобы Ворон не было вовсе.

Он клюнул в полувысохшей луже что-то похожее на трупик Лягушки.

— Хорошо бы такое место нашлось. Но нет. Нигде нет. Меня Вороны гнали отсюда и до рассвета. «Вовсе нет Ворон», скажешь тоже.

Он потряс головой, то ли в удивлении, то ли пытаясь избавиться от неприятного вкуса во рту, а потом подпрыгнул и перелетел на другое место — подальше.

— Да, я так сказал! — раздосадованно крикнул ему вслед Дарр Дубраули.

Он полетел. На подне земля поднималась, проглядывала среди тонких мореных стволов, за болотами и голыми пустошами, где еды было не сыскать. Дарр направился к своему любимому дереву, развесистому Дубу на самой опушке леса. Если ему суждено когда-нибудь найти подругу и завести потомство, он бы хотел строить гнездо в развилке ветвей этого дерева, хоть и знал, что выбор будет не за ним, а за ней.

Если это вообще случится.

С покачивавшейся на ветру ветки острому зрению Дарра открывалась широкая панорама. В миле от себя (хотя в те времена Вороны не считали расстояние ни в милях, ни в иных мерах длины) он увидел Кроликов в клевере, а дальше — тучу Грачей, что поднималась и вновь опускалась. Еще дальше, между сложенными крыльями гор, — блеск озера, о котором он уже знал. И дальше всего — облака.

Он хотел отправиться туда, где побывал Бродяга, если тот сказал правду. Дарр был уверен, что ему путешествие понравится больше, — он не будет потом таким мрачным и молчаливым. Он завоеует доверие тамошних Ворон рассказами о местах, где он побывал, а они — нет. Его не прогонят, как Бродягу, а когда он решит улететь, ему подскажут дорогу в земли, где нет Ворон, зато есть много всего другого.

В этот миг одним глазом он вдруг заметил движение у подножия своего Дуба — легкое шевеление среди палой листвы и скорлупы прошлогодних желудей. Он понял, что

это, точнее, заподозрил, что это может быть. Дарр спикировал так бесшумно, как только смог, и клюнул прежде, чем коснулся земли. Полевка, потревожившая листву, отчаянно метнулась в сторону, но Дарр уже накрыл ее лапой и метко ударил клювом. Затем он задумчиво распотрошил ее и съел то, что можно было съесть.

Он отвлекся и забыл, о чем думал, но, когда Полевка улеглась в зобе, прежняя мысль вдруг с новой силой вспыхнула у него в груди. *Далеко*. Он огляделся. С нескольких направлений он слышал переключку своей семьи и других Ворон, повторявших то же, что и всегда, сообщавших друг другу, кто где. Что они подумают или сделают, если он не ответит?

Сердце забило сильнее. Дарр подогнул лапы, высоко поднял крылья, а потом подпрыгнул и сильно взмахнул ими — этому пришлось долго учиться, когда Дарр только выбрался из гнезда, зато теперь прыжок давался легко по сто раз на дню, — но в этот раз, взлетев с новой целью, Дарр вспомнил те, первые попытки; прыжок и удар крыльев подняли его с земли, и он поднимался все выше, будто карабкался по воздуху, еще удар, еще, и вот он парит — и сам удивляется, каким невозможным это казалось когда-то, каким легким стало теперь, он ведь уже далеко и летит еще дальше.

Он летел весь день. Время от времени садился и ходил по земле, высматривая поживу. Ему было немного неуютно, потому что никто не сидел в дозоре на ветках, некому было крикнуть «*Тревога!*», но это вызывало и восторг — что-то вроде сдавленного смеха в горле. А потом он снова взлетал. Дарр добрался до большого озера, которого никогда раньше не видел. Можно было бы постепенно продвигаться по берегу, но, повинувшись порыву, Дарр помчался над рябью озера и пересек его, хотя сил едва хватило. На полпути он отдохнул на небольшом острове в рожице водолюбивых деревьев и наелся там слизняков. А потом полетел

дальше. На другом берегу он окажется так далеко от дома, что уже не успеет вернуться до темноты.

И вот он на месте. Наверняка. Дарр уселся на каком-то низком деревце, каких никогда раньше не видел, и прислушался. Дневной шум; несколько певчих птиц еще не спят: Дрозд, Жаворонок. Шелест ветра; Лось заревел где-то далеко, в сумраке леса. Больше ничего, и ни одной Вороны не видно и не слышно. Он закричал, сперва негромко: «*Вы где?*» И не услышал ответа. Повторил громче. По-прежнему безответно, даже слабого отзвука его клича не было.

Слишком далеко для Ворон. Мозг пылал в голове, внутренние веки заморгали.

Чтобы убедиться наверняка, он снова подпрыгнул и поднялся выше к солнцу. Даже «слишком далеко» — это слишком близко. Он поднялся выше, чем нужно, на теплом воздушном потоке, что шел от нагретой солнцем земли. Дарр задумался, нельзя ли сделать день дольше, если лететь прямо к солнцу и проскочить под ним до заката. Он так увлекся, воображая эту картину, так упивался напряжением в мышцах и пустотой в животе, что, когда его поклювный глаз заметил на земле внизу каких-то существ, Дарр от удивления перекувырнулся.

Он ведь хотел увидеть новые земли и новых созданий. И только посмотрите. Дарр выровнялся в воздухе и повернул в ту сторону. Их было четверо: одно большое, тонконогое, как Олень или Лось, но ни тот ни другой; второе похоже на Волка — Дарр Дубраули нечасто видел Волков, но все же понял, что перед ним не Волк. Эти двое были четвероногими, но еще двое стояли на задних лапах, как Медведи, когда тянутся за ягодами на высоких ветках или пугают врагов. Шерсти на них почти не было, просвечивало бледное тело, будто их освеживали. На шеях и предплечьях у них что-то блестело, как лед или слюда. Все четверо шли вместе, как друзья, хотя Дарр никогда прежде не видел дружбы между такими разными существами. В длинных тон-

ких передних лапах двуногие держали палки почти в свой рост, положив их на плечи, — зачем? Дарр Дубраули завис в воздухе над ними, пытаясь как следует разглядеть: животы у них обтянуты шкурой? А что это за толстые наросты на нижних лапах? Дарр снова завернул к ним и увидел, что один из двуногих поднял палку с плеча и вскинул к небу, туда, где был Дарр, а потом другой указал своей палкой на помрак.

Дарр Дубраули заложил резкий вираж и ужаснулся. С помрачной стороны на фоне солнца чернел Сокол; Дарр сразу опознал его, словно силуэт сошелся с тенью у него в мозгу. Сокол мчался к нему, рассекая острыми крыльями воздух.

Дарр оказался на открытом пространстве, слишком далеко от ближайших деревьев, к которым его все равно погнал неодолимый ужас. Сокол догонял его и одновременно набирал высоту. Был только один способ увернуться, да и тот редко помогал: нужно дожидаться, пока хищник пикирует на тебя, приготовившись ударить своей мощной лапой, а потом метнуться в сторону так, чтобы он промахнулся. Тогда Сокол окажется ниже тебя, и ему придется заново набирать высоту. Так охотятся Соколы: падают на тебя с огромной скоростью, проламывают голову ударом сжатой лапы, а потом подхватывают, когда ты падаешь, мертвый или оглушенный, на землю. Иначе он себя вряд ли поведет. Ястребиные — птицы сильные и жестокие, но неизобретательные. Им это и не нужно: думать приходится жертве.

Дарр Дубраули летел к невозможно далеким деревьям, чувствуя над собой тень. Он не мог повернуть голову и посмотреть, потому что потерял бы скорость. Когда рокот крыльев Сокола вдруг сменился безмолвием, Дарр понял, что тот пикирует, мчится вниз, как... — Вороны тогда не знали этих слов — как стрела, как пуля. Чудом он уловил нужный миг и перекувырнулся, резко сменив направление. Готовый к удару Сокол пролетел мимо, так близко,

что Дарр разглядел его желтый глаз и приоткрытый клюв, почувствовал ветер от его крыльев. Дарр выровнялся и начал набирать высоту.

Этот трюк редко срабатывает, потому что Соколы взмывают быстрее Ворон. Дарр Дубраули пытался подняться выше и одновременно приблизиться к деревьям. Поворачивая к ним, он увидел — и никогда этого не забудет, — как двое двуногих по-прежнему стоят с поднятыми к небу палками.

Когда Сокол снова оказался на нужной высоте, до деревьев оставалось совсем немного, они будто тянулись к Дарру ветвями, чтобы его укрыть. Повернуться тут могло по-всякому, но, когда Сокол обрушился вновь, Дарр с разгону влетел в гущу ветвей, теряя перья, и чуть не сломал шею, как сломал бы ее удар Сокола. Но тут безопасно. Сокол — не Сова, он не станет преследовать добычу в густых ветвях, скорее полетит охотиться на кого другого. Дарр Дубраули тяжело дышал, разинув клюв и прикрыв глаза внутренними веками; сердце колотилось так, что грозило вырваться из груди, он вцепился в ветку и сжался комочком.

Но Сокол может подождать, может долго парить, выписывая прекрасные узоры на небе. Терпения ему не занимать. Дарр Дубраули, забившись поближе к стволу, почувствовал, как из его глотки рвется клич, вороний крик о помощи: *«Сюда! Сюда! Беда! Беда! Не далеко, а близко! Самая ужасная!»* Но он знал, что звать на помощь некого.

Да: Сокол теперь сидел на голой ветке неподалеку от чащи, в которой закричал Дарр. Он увидел, как хищник тяжело сорвался с насеста, метнулся к сосняку, в котором нашел убежище Дарр, и принялся бить сильными крыльями по веткам, чтобы его спугнуть. Дарру хотелось броситься прочь, подняться в воздух, хоть это и была очевидная глупость. Он продолжал кричать, теперь уже тихо, как неоперившийся птенец на земле, чтобы только не потерять го-

лову от страха и не шевельнуть ни перышком. Глаза Сокола искали его, большие и бледные, как полуденное солнце, с черным шаром в центре, — нет, они его наверняка не видят.

Потом Сокол улетел — но как далеко? Дарр Дубраули замолчал. Солнце уже почти зашло, а он оказался в совершенно незнакомом месте. Он никогда еще не проводил ночь так далеко, чтобы не слышать переключку родни. Спокойной ночи, Мама. Спокойной ночи, Отец. Спокойной ночи, Другие.

А что, если в этом лесу живет Сова?

Тихий свист в сгустившемся сумраке — это просто ночной ветер. Наверное. Наверняка.

Дарр спал, снова и снова просыпаясь в ночи, чтобы прислушаться, взглядеться в темную гущу ветвей. Какие-то существа возились вокруг — на соседних деревьях и на земле, шелестели, скреблись — обычные ночные звери, скорее всего, не опасные, но все же, все же. Вечность спустя наконец пришел рассвет, и алое зарево на подне было даже хуже полной темноты. Увидев солнце, Дарр Дубраули вспомнил вчерашних странных созданий — он о них совсем забыл, спасая свою жизнь, а потом ночуя в незнакомом лесу.

Он шевельнулся в зарослях. Все тело ныло. Сокола уже точно здесь нет. Только весной, когда все просыпаются с первым светом, чтобы кормить потомство, они вылетают на охоту рано. Утренний туман на земле уже начал развеиваться. Дарр оставил свою ветку и начал перепрыгивать с одного насеста на другой, чтобы выбраться из зарослей (как он вообще залетел так глубоко?), пока наконец не смог подпрыгнуть и подняться в небо.

Странные создания пропали — и четвероногие, и двуногие. Но там, где они стояли, на сухом холме из земли торчали их палки. С каждой из них свисало и дрожало в тумане что-то тонкое, будто перья. Те палки, которыми они указывали на Дарра и на Сокола.

Содержание

Пролог.....	11
Часть первая	
ДАРР ДУБРАУЛИ В ЯВЛЕНИИ ИМРА	21
Часть вторая	
ДАРР ДУБРАУЛИ И СВЯТЫЕ	171
Часть третья	
ДАРР ДУБРАУЛИ В НОВОМ СВЕТЕ	269
Часть четвертая	
ДАРР ДУБРАУЛИ В РУИНАХ ИМРА	433
Джон Краули в возрождении Имра	
<i>Е. Лихтенштейн, М. Назаренко</i>	477
Примечания. <i>М. Назаренко</i>	491
Литература.....	509

Краули Д.

К 78 Ка : Дарр Дубраули в руинах Имра : роман / Джон Краули ; пер. с англ. Е. Лихтенштейна. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 512 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-17326-2

Впервые на русском — новейший роман Джона Краули, автора тетралогии «Эгипет», посвященной философии волшебства, и прославленного «Маленького, большого»; Нил Гейман называл эту книгу одной из своих любимых, а Урсула Ле Гуин — «поистине уникальным романом, в одиночку совершившим жанровую революцию».

Дарр Дубраули — не простая ворона. Первым из всех ворон он обзавелся собственным именем и научил остальных ворон, как устроить так, чтобы, если какая-нибудь птица «сделает что-то важное, что-то смелое», память о ней не умерла. А еще Дарр Дубраули путешествует не только между Имром (человеческим миром) и Ка (царством ворон) — ему также открыта дорога в Иные Земли, где спрятана Самая Драгоценная Вещь; кто ее найдет — будет жить вечно. Этому научила Дарра Дубраули жрица друидов Лисья Шапка; и, возрождаясь заново, подобно фениксу, Дарр каждый раз повторяет этот путь — со средневековым монахом, известным как Брат, с Одноухим Рассказчиком из индейского племени Вороний клан, с медиумом Анной Кун, стремящейся доставить таким же, как она, вдовам Гражданской войны утешительную весточку от тех, кого уже нет...

«„Ка“ — образцовый пример невероятно трогательной, глубоко личной работы, какую великий художник иногда выдает под занавес своей карьеры» (*The Washington Post*).

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОН КРАУЛИ

Ка

Дарр Дубраули в руинах Имра

Ответственный редактор Александр Гузман

Редактор Михаил Назаренко

Художественный редактор Сергей Шикин

Технический редактор Татьяна Раткевич

Корректоры Ирина Киселева, Анастасия Келле-Пелле

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 08.11.2019. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 32. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-ABB-25846-01-R